

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ
XI-XV вв.**

Подготовлено к печати В. Г. ВОВИНОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1996

М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв.

С.-Петербург 1996

Я. С. Лурье, Предисловие, 28

Издание летописей под именем «сводов» приводит к множеству недоразумений. Мало кто различает, например, Московскую летопись, доведенную до 7000 (конца 1492) г. и изданную М. Н. Тихомировым под названием «Московский свод конца XV в.», и Московский свод 1479 (1480) г. – протограф Архивской (так называемой Ростовской) летописи, текст которого, обнаруженный А. А. Шахматовым в списке XVIII в. (РНБ ОР, Эрмитажное собр., № 416^б), до сих пор не издан. Как различить свод 1518 г. – протограф Софийской II и Львовской летописей и «Летописный свод 1518 г.» – доведенную до 1518 г. редакцию совсем иной по своему составу летописи, изданную под таким названием в 28-м томе ПСРЛ?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Дмитриевич Приселков родился 7 сентября 1881 г. в Петербурге в семье протоиерея (Пантелеимоновской, впоследствии Владимирской церкви).

Юность М. Д. Приселкова была нелегкой. «Имущественное положение семьи было таково, что я начал работать (давать „уроки“) с пятого класса гимназии, т. е. с 14 лет», — отметил Михаил Дмитриевич в своей автобиографии, написанной в 1935-1936 гг.¹

В 1899 г. М. Д. Приселков окончил 3-ю Петербургскую гимназию и в том же году поступил на историко-филологический факультет университета; в 1903 г. был «оставлен по кафедре русской истории» (т. е., как мы теперь говорим, принят в аспирантуру). Довольно рано он начал преподавать в среднем учебном заведении (I Кадетском корпусе), с 1907 г. стал читать лекции и вести практические занятия в качестве приват-доцента университета. Но путь его к магистерской степени оказался довольно сложным. Если бы он защитил диссертацию на кафедре русской истории, то рассчитывать на дальнейшую работу в университете было бы трудно. Заведовавший кафедрой С. Ф. Платонов предпочитал иметь на кафедре своих непосредственных учеников. Поэтому М. Д. Приселков в 1907 г. счел более разумным готовить свою магистерскую диссертацию при кафедре истории русской церкви, которую возглавлял профессор И. Д. Андреев. Одновременно он стал преподавателем в Психоневрологическом институте, основанном В. М. Бехтеревым, и на Высших женских курсах — в двух наиболее либеральных учебных заведениях Петербурга.

Этому выбору места работы соответствовали, по-видимому, и политические взгляды молодого историка. Уже в 1905 г. он сблизился с ученым, который официально не считался его научным руководителем, но фактически стал на всю жизнь учителем и наставником — Алексеем Александровичем Шахматовым. Переписка между ними во все предреволюционные годы была систематической, хотя и не очень обильной: ведь они жили в одном городе, и писал

---

¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 554, л. 38-40 об.

Лишь год спустя, в ноябре 1913 г., Николай Приселков был восстановлен в университете.

Письма Шахматову за последующие годы посвящены преимущественно академическим темам или договоренностям о визитах к Шахматову — обычно не в одиночку, а вместе с еще двумя из «трех мушкетеров», как они себя именовали, — В. Н. Бенешевичем и М. Р. Фасмером.⁶

Готовилась публикация книги, которая должна была стать магистерской диссертацией М. Д. Приселкова: «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.», но автор чувствовал себя далеко не спокойно. «История моей книги — моя история в Университете. Кто я? Русские историки считают меня историком русской церкви (как будто это что-то совсем особое!), историки церкви — русским историком. Я не хочу судить, кто прав, кто ошибается, но я хочу надеяться, что среди членов факультета я в Вашем лице найду поддержку своей смелости — заниматься наукой, против которой поставлены рогатки Университетского устава...», — писал он в начале 1913 г. А. А. Шахматову.⁷

19 января 1914 г. состоялась защита магистерской диссертации М. Д. Приселкова. Она оказалась чрезвычайно бурной. На диспуте выступали 7 человек — все они оспаривали многие тезисы исследования, что, впрочем, не помешало присуждению ученой степени и аплодисментам: в те времена спорность исследования считалась его достоинством. Основным предметом спора было предположение М. Д. Приселкова, что до назначения первого русского митрополита Феопемпта в 1037 г. русская церковь подчинялась болгарской Охридской епархии. Диссертант настаивал на том, что гипотетичность построений не является специфической особенностью его работы, «так как и прежде исследования в этой области должны были прибегать к помощи гипотез».⁸ В сущности, основным предметом спора был вопрос о том, должен ли ученый при установлении исторических фактов основываться всецело на исследованиях источников или же ему следует в равной мере опираться на труды «весьма почтенных историков, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге». Выступивший на диспуте и опубликовавший рецензию на книгу Приселкова А. Королев объяснял интерес к этой книге «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние ни были парадоксальны».⁹ Профессор Киевской Духовной академии В. Завитневич, резко возражавший не только против работы Приселкова, но и про-

⁶ Плодом совместного труда «трех мушкетеров» была статья М. Д. Приселкова «Отрывки В. П. Бенешевича по русской истории», посвященная В. Н. Бенешевичу и написанная совместно с М. Р. Фасмером (ИОРЯС. 1916. Т. 21, кн. 1).

⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1237, письмо 5 января 1913 г.

⁸ Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова // Научный исторический журнал (СПб.). 1914. Т. 2, вып. 1 (№ 3). С. 133-137. Подробнее об этом диспуте см.: Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 465-466. Ср. также: Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопр. истории. 1995. № 1. С. 139-140.

⁹ ЖМНП. 1914. № 10. С. 387-400.

тив исследований Шахматова, объявил работу Приселкова образцом «научного футуризма».¹⁰

Бурные дебаты в ходе диспута не изменили основного направления работ М. Д. Приселкова. После защиты диссертации он обратился к теме, заняться которой ему посоветовал Шахматов: ханские ярлыки русским митрополитам, включенные в русское летописание XVI в. Работу эту он посвятил «Алексею Александровичу Шахматову в знак глубокого уважения и живой благодарности».¹¹

В 1915 г. Приселков, в течение ряда лет преподававший в средних учебных заведениях, выпустил учебную книгу по русской истории для VII-VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ, в 1917 г. она была переиздана.¹² Среди рукописей М. Д. Приселкова сохранилось и введение к этой истории, предназначавшееся, очевидно, для нового (третьего) издания, но неопубликованное. Введение это весьма характерно для определения позиции автора: «Что такое история? Наша родина – Россия – раскинулась по всей восточной Европе и всей северной Азии до берегов Тихого океана. Население России многочисленно и разноплеменно... Вся эта большая земля и все это большое население составляют единое свободное государство. Т. е. население нашей земли – и мужчины и женщины – подчиняются общим законам (или правилам). Законы эти составляют сами граждане через своих выборных. Выборные решают законы по большинству голосов, и эти решения считаются волей всего народа...».¹³ Формула «свободное государство», указание на «выборных» представителей народа как на единственную форму власти, полное отсутствие упоминания о царе дают основание предполагать, что введение это было составлено, скорее всего, после Февральской революции и отражало настроения весны-лета 1917 г., характерные для той левой интеллигенции, к которой принадлежал М. Д. Приселков. Непосредственная реакция М. Д. Приселкова на Октябрьскую революцию нигде не засвидетельствована, но ее нетрудно себе представить. Осенью 1917 г. и в начале 1918 г. он участвовал в Соборе православной церкви – в качестве представителя кафедры истории церкви университета.¹⁴

Февральская революция привела к восстановлению университетской автономии, существовавшей в 1905-1911 гг., Октябрь не сразу покончил с нею. С 1917 г. М. Д. Приселков – доцент, с 1919 г. – профессор университета, в последующие годы при существовавшей еще (до середины 20-х годов) выборности университетской администрации он стал секретарем, а потом деканом факультета общественных наук (ФОН), в состав которого вошли прежние

¹⁰ Труды Киевской духовной академии. Киев, 1914. Кн. 4. С. 634-651.

¹¹ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

¹² Приселков М. Д. Русская история: Учебная книга для VII-VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ. М., 1915; 2-е изд. М., 1917.

¹³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 1060 (М. Д. Приселкова), оп. 1, ед. хр. 17.

¹⁴ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 62-69. См.: Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. М., 1918. Кн. 1. С. 84, 116, 469.

историко-филологический и юридический факультеты университета и Психоневрологического института.¹⁵

Но жизнь в Петрограде, где Приселков (в отличие от ряда профессоров Петербургского университета, переехавших в Самару) оставался все эти годы, отнюдь не была благополучной. Свирепствовал голод. В 1920 г. в возрасте 56 лет скоропостижно скончался А. А. Шахматов. На заседании, посвященном его памяти, М. Д. Приселков произнес вступительное слово как декан факультета общественных наук; он же сделал доклад о русском летописании в трудах Шахматова. В 1922 г., наряду со сборником «Известия отделения русского языка и словесности», посвященным Шахматову и вышедшим лишь через два года после его смерти, Приселков опубликовал и свою первую работу, специально посвященную летописанию, – «Летописание XIV в.». В 1923 г. вышла в свет научно-популярная книга Приселкова «Нестор-летописец», а в 1924 и 1927 гг. – его статьи о «Летописце 1305 г.» (оригинале Лаврентьевской летописи) и об отражении южнорусского летописания в суздальском летописании XII-XIII вв. (на украинском языке). Уже в статье 1922 г. Приселков говорил о поставленной им задаче – реконструировать текст сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи – и «ряде положительных результатов», полученных при решении этой задачи.¹⁶ Об этой же работе как о подготовленной к печати в 1924 г. упоминалось и в списке работ, составленном М. Д. Приселковым в 1927 г. В этом же списке и в отзыве на неопубликованную статью М. Н. Тихомирова о летописце начала XVI в. из Уваровского собрания (изданном впоследствии как «Московский свод конца XV в.») Приселков писал и о подготовленном им труде «История русского летописания XI-XV вв.» (о котором он докладывал 23-30 апреля 1925 г. в Обществе древней письменности и искусства), а также о предполагавшейся публикации (совместно с А. Е. Пресняковым) неизданного труда Шахматова «Обзор русских летописных сводов XIV-XVI вв.» и Радзивиловской летописи.¹⁷

Однако все эти планы остались неосуществленными. Положение М. Д. Приселкова, как и других представителей университетской профессуры, было очень трудным. Еще в 1921 г., в связи с болезнью жены, М. Д. Приселков просил Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ) о содействии, предлагая в обеспечение этой помощи продать имеющуюся у него мебель; однако КУБУ отказала ему в этой просьбе.¹⁸ Новое руководство университета Приселкову явно не доверяло. Ему могли ставить в вину и участие в Соборе православной церкви, избравшем патриарха Тихона, и кадетское прошлое. В 1922 г., по воспоминаниям Д. С. Лихачева, поступившего в университет год спустя, при выборах университетской админи-

¹⁵ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 97-98, № 39, л. 76, 105, 109, 111-111 об.

¹⁶ Приселков М. Д. Летописание XIV в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. с. 25-26.

¹⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1а, ед. хр. 54, л. 1-8 об.; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 88-88 об., 112-117 об.

¹⁸ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 79-81.

страции (едва ли не последних, проведенных тайным голосованием) Приселков был избран по «кадетскому списку».¹⁹ Это не предвещало ничего хорошего. В 1927 г. Приселков был исключен из состава преподавателей факультета языка и материальной культуры (ямфака, как стал теперь называться ФОН). Он обратился с жалобой в Наркомпрос, но на запрос Главного ученого совета Наркомпроса (В. П. Волгин) руководство ямфака (Н. С. Державин, Я. Пальвадре) ответило, что учебный план выполняется «утвержденным штатным составом преподавателей, и профессор Приселков М. Д. остался без поручений со стороны Цикла и Деканата».²⁰ «Меня с 1-го ноября уволили из ямфака», – писал в начале следующего года Приселков академику Н. К. Никольскому. При вновь начавшейся в конце 20-х годов инфляции существовала система перевода части ученых на так называемое «золотое обеспечение», но Приселков не надеялся его получить, ибо «из историков дают охотно только марксистам».²¹ Следовательно, по официальным взглядам того времени, представитель «академической профессуры» М. Д. Приселков к «марксистам» заведомо не причислялся. В 1929 г., в связи с двадцатипятилетием работы в университете (с 1903 г.), М. Д. Приселков получил небольшую «академическую пенсию» и совсем ушел из своей alma mater, перейдя на работу в историко-этнографический отдел Русского музея.²²

Но впереди его ждали еще более тяжелые испытания. В конце 1929 — первой половине 1930 г. полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе «по подозрению в проведении активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации была арестована большая группа ведущих ученых историков различных научных и учебных заведений Ленинграда» (так называемое «дело Платонова–Тарле»), и в их числе М. Д. Приселков. Он был арестован по сфабрикованному ОГПУ делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Приселков был включен следователями во «вторую группу» обвиняемых (86 человек), дело которых разбиралось отдельно от первой, «руководящей группы» (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Н. В. Измайлов, М. К. Любавский). Приселков вместе с А. И. Заозерским, А. Н. Шебуниным и другими обвинялся в том, что по поручению «Всенародного союза» он создавал «нелегальные кружки, в которых готовились кадры антисоветских научных работников и будущих членов» этой организации.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. М. Д. Приселков был «осужден к 10 годам лишения свободы в ИТЛ». Речь идет о наиболее известном тогда «исправительно-трудовом лагере» – «Соловецком лагере особого назначения» (СЛОН). О пребы-

¹⁹ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. 1993. № 26. С. 45.

²⁰ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 91-93.

²¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 247 (Н. К. Никольского), оп. 1, ед. хр. 329.

²² ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 106-107, 127. О работе в музее см.: л. 101, 109-110.

вании там вспоминал и сам М. Д. Приселков, и люди, встречавшиеся с ним в заключении. Более молодые ученые-ленинградцы советовали ему работать в существовавшем тогда на Соловках музее, но М. Д. Приселков предпочел работу счетовода. «Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду», – вспоминает Д. С. Лихачев ответ Приселкова на предложение работать в музее.²³

Постановлением тройки ПП ОГПУ в Л ВО от 15 декабря 1931 г. заключение в ИТЛ было заменено высылкой в Западно-Сибирский край сроком на пять лет с определением на жительство в Новосибирске.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 21 августа 1932 г. на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 14 августа 1932 г. (ходатайство прокурора РСФСР Н. В. Крыленко) эта мера была заменена лишением права проживания в 12 пунктах (крупных промышленных городах) на оставшийся срок. М. Д. Приселков выбрал город Галич.²⁴ Работал он там бухгалтером. И октября 1934 г. его старый друг, один из «трех мушкетеров» 10-х годов, В. Н. Бенешевич обратился к директору Литературного музея, старому большевику В. Д. Бонч-Бруевичу с таким ходатайством: «Обращаюсь к Вам с просьбой за давно и хорошо мне знакомого человека проф. Мих. Дмитр. Приселкова не потому только, что питаю к нему дружеские чувства, а потому, что в лице его погибает для науки человек в своем роде единственный. Значение его можно кратко и лучше всего выразить так: он продолжает работу А. А. Шахматова над летописями и он же единственный, кто мог бы подготовить к изданию оставшееся после Шахматова в рукописи грандиозное исследование о летописях. Не говорю уже о том, что М. Д. талантливейший и исследователь, и излагатель своих исследований, и человек, беззаветно преданный научной работе. Преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же, но он уже отбыл наказание и находится теперь на вольной ссылке в Галиче Костр [омской] губ[ернии].

Сердечно прошу Вас ради интересов возрождающейся историч[еской] науки не отказать в Вашем ходатайстве о разрешении М. Д. Приселкову вернуться в Л[енин]гр[ад]». ²⁵ Возможно, что это ходатайство возымело действие. Постановлением ЦИК СССР от 17 декабря 1935 г. Приселков был освобожден от ссылки и вернулся в Ленинград.²⁶

После возвращения в родной город Присадков оказался в еще более трудном положении, чем до ареста. Об этом он снова писал

²³ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 58. Ср.: Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. 1993. № 27. С. 45.

²⁴ Сведения о датах ареста и постановлений тройки ПП ОГПУ содержатся в справке, выданной Управлением КГБ СССР по Ленинградской области 4 октября 1989 г. (№ 10/28-Л-2924) в ответ на запрос Ленинградского отделения Археографической комиссии. Ср.: Академическое дело 1929 - 1931 гг. СПб., 1993. Выш. 1. с. VII-VIII

²⁵ ОР РГБ, ф 369, карт. № 239, ед. хр. 9, л. 32. Благодарю И. П. Медведева, собиравшего мне об этом письме.

²⁶ Ср.: СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 554, л. 40-40 об.

Н. К. Никольскому: «После долгих лет испытаний я вернулся в Ленинград, получил паспорт и Президиум ЦИК'а дал мне реабилитацию. Думал, что по приезду я смогу получить себе какую-нибудь работу для заработка и вернуться к своей исследовательской работе. Но не тут-то было!.. Сейчас я сижу на выборках слов и за написанием карточек для Словаря для И[нститута] я[зыка] и м[ышления] (картотека, легшая в основу ныне публикуемого «Словаря русского языка XI-XVII вв.». – Я. Л.). Но заработок определяется такой ничтожной суммой, что не оправдывает даже личного моего существования. Суровая у меня вышла старость!..»²⁷

Неожиданно ситуация изменилась. В 1934-1935 гг., в связи с восстановлением отмененного в начале 30-х годов преподавания истории в вузах, в университете открылся исторический факультет, Патентованные «марксисты», о которых в 1928 г. писал Приселков Никольскому и которые работали главным образом в таких учреждениях, как Ленинградское отделение Коммунистической академии (ЛОКА) и Гос. Академия истории материальной культуры (ГАИМК), потеряли теперь свое монопольное положение. Ограничить преподавательский состав кадрами конца 20-х—начала 30-х годов было невозможно. Наряду с профессорами, работавшими в предшествующие годы в ГАИМК и ЛОКА – С. И. Ковалевым, В. В. Струве, Б. Д. Грековым, и их учениками – И. И. Смирновым, В. В. Мавродиным, К. М. Колобовой и другими, к преподаванию были привлечены те, кто до того времени находился в опале. Это были Е. В. Тарле, вернувшийся из ссылки, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, а также вынужденные еще недавно работать вне университета С. Н. Валк, С. Н. Чернов, С. Я. Лурье, Н. Ф. Лавров. М. Д. Приселков, естественно, оказался среди тех, кто был возвращен в историческую науку.

В какой-то мере положение этих возвращенных в университет опальных ученых оказалось более прочным, чем положение той профессуры, которая считалась до того времени сугубо «марксистской». Деятели ЛОКА и ГАИМК в ряде случаев оказывались «неблагонадежными» как старые партийцы, связанные с оппозицией или подозреваемые в таких связях. За короткое время были арестованы три сменявших друг друга декана исторического факультета – Зайдель, Дрезен и Дубровский, ряд профессоров – деятелей ГАИМК. Представителям старой профессуры еще недавно (сразу после убийства Кирова в 1934 г.) грозили высылки, которым подвергались дворяне и прочие «классово чуждые элементы», но в 1937-1938 гг. эта кампания отошла на второй план. Что касается Приселкова, то помощник декана исторического факультета Черницкий, игравший при бесконечно сменявшихся деканах едва ли не важнейшую роль на истфаке, попытался во время одного из политических занятий (посвященных главным образом разговорам о разоблаченных «врагах народа») его «прощупать». Он спросил его, за что тот был репрессирован. «Вы знаете, – сказал со своей обычной учтивостью Михаил

²⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 247, оп. 3, ед. хр. 329, письмо 6 февраля 1936 г

Дмитриевич, — я и сам этим интересовался, когда меня освобождали из ссылки. Но мне ответили: „А вам, профессор, этого и знать не нужно...“. Этот почти швейковский ответ совершенно ошеломил Черницкого, но заняться дальнейшим расследованием дела ему не пришлось: некоторое время спустя он сам был арестован, да еще весьма эффектно — пришедшие за ним чекисты провели его через вестибюль истфака под револьвером, направленным в спину.

М. Д. Приселков вел практические занятия по истории СССР у первокурсников, занятия по палеографии и специальный курс по истории русского летописания — курс, которого до него никто не читал.²⁸ Прирожденный преподаватель, он был весьма популярен среди студентов. 17 июня 1939 г. М. Д. Приселков представил в качестве докторской диссертации свою «Историю русского летописания XI-XV вв.», и защита ее прошла блестяще. «Был 17-го на диспуте Приселкова („История русского летописания“). Прекрасный диспут!.., — писал С. А. Жебелев своему собрату по Академии наук Д. М. Петрушевскому. — Настоящее торжество науки, какого давно не был свидетелем. Вот кого — Приселкова — нужно продвигать в академики. Но, конечно, не продвинут..».²⁹

Восторженной была реакция студентов, устроивших М. Д. Приселкову настоящую овацию. Издав год спустя «Историю русского летописания», М. Д. Приселков посвятил ее «Студенчеству Исторического Факультета Ленинградского Государственного Университета», проставив дату защиты диссертации — «17 июня 1939 г.». Однако бурное выражение чувств студентов далеко не всем понравилось. Почти в те же дни происходила защита докторской диссертации Н. А. Корнатовского, читавшего — очень скучно, в манере диктовки — последний раздел курса истории СССР (с 1917 г.), и лектор по марксизму-ленинизму обратился с заявлением в партком, отмечая нездоровые настроения в студенческой среде: восторженное отношение к бывшему репрессированному и прохладное — к несгибаемому большевику.

Вообще вполне благополучным считать свое положение М. Д. Приселков никак не мог. Вопреки формулировке, употребленной им в письме к Н. К. Никольскому, официально реабилитирован он не был. Никакого иммунитета от арестов представители старой профессуры не имели. Именно тогда был арестован, а в начале 1938 г. расстрелян В. Н. Бенешевич.

Как вел себя Приселков в эти годы? Конечно, он ни на минуту не мог чувствовать себя в безопасности и был очень осторожен; это подтверждают обязательные для того времени ссылки на «Краткий курс» и подобные тексты. Но сломлен он не был. С ним не случилось того,

---

²⁸ В 1929 г., уже после перехода в Русский музей из университета, М. Д. Приселков писал декану ямфака, что лишен возможности выполнять возложенное на него «поручение по чтению курса „Истории русского летописания“ в текущем учебном году» (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 120), но читал ли он этот курс в предшествующие годы или только предполагал его читать, неизвестно.

²⁹ Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 78, л. 67, письмо 20 июня 1939 г. Сведениями об этом письме я обязан любезности Б. С. Кагановича.

что произошло, по всей видимости, с его старшим учеником и ближайшим последователем – Арсением Николаевичем Насоновым. Насонов пережил Приселкова на целую четверть века (умер в 1965 г.) и больше кого бы то ни было сделал для продолжения основного дела Приселкова – изучения летописания. Но те, кто имел с ним дело, не могли не ощущать необычность его поведения. Было ли это следствием его ареста в 1930 г. и гибели в лагере его сестры в последующие годы или же особенностью его характера, но вне своей работы Арсений Николаевич постоянно обнаруживал желание замкнуться в себе. Приселков, напротив, был веселым, оживленным и охотно общался с коллегами и учениками. Энергия и работоспособность его были поразительными: казалось, что пружина, насильственно сжатая в 1930 г., теперь распрямилась, и он спешил продолжить все начатое и наверстать все упущенное за даром пропавшие годы. Мы не знаем, что представляла собой «История русского летописания», о которой Приселков писал в 1927 г., и в какой степени была завершена к 1930 г. реконструкция Троицкой летописи. Никаких следов этих работ не сохранилось — очевидно, они погибли при аресте. Во всяком случае те рукописи обеих работ, которые дошли до нас (многое пропало во время блокады Ленинграда), относятся к 1936-1940 гг. Издательская же деятельность Приселкова охватывает всего три года – с 1938 по 1940 г. За это время он издал, кроме своей «Истории летописания»³⁰ и ряда статей об отдельных летописях, важнейшие труды А. А. Шахматова – «Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв.» (1938; издание этой книги, как мы знаем, предполагалось еще в 1927 г.) и второй том другого шахматовского труда – «Повесть временных лет»,³¹ завершил реконструкцию Троицкой и в основном научное издание Радзивилловской³² летописей, напечатал более десяти статей. В 1940 г. он согласился, несмотря на огромную занятость наукой и преподаванием, взять на себя обязанности заведующего кафедрой истории СССР (Б. Д. Греков переехал в Москву) и декана исторического факультета.

Но внезапно все это оборвалось. В конце 1940 г. на шее у него образовалась огромная опухоль; она оказалась злокачественной; пришлось лечь в больницу. По странной иронии судьбы именно тогда, 18 января 1941 г., университет обратился в Комиссию по частным амнистиям ЦИК СССР с ходатайством о снятии судимости с профессора Приселкова. Но рассмотреть дело не успели – 19 января 1941 г. М. Д. Приселков умер. Реабилитирован он был посмертно – в 1953 г.³³

* * *

Едва ли в рамках данного предисловия можно охарактеризовать основные научные труды М. Д. Приселкова. В молодости он считал главной темой своих занятий церковно-политическую историю древ-

---

³⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (далее ссылки на эту книгу даются по настоящему изданию).

³¹ ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4.

³² ПСРЛ. Л., 1938. Т. 38.

³³ См. справку Управления КГБ от 14 октября 1989 г. № 10/28-Л-2924.

